

Л. Калюжная

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)

Иван Сергеевич Тургенев родился 28 октября (9 ноября) 1818 в городе Орле в родовой дворянской семье, детство провел в имении Спасское-Лутовиново близ города Мценска Орловской губернии. Мать его, Варвара Петровна, получив от дяди большое наследство, считалась самой богатой помещицей в губернии. Натура незаурядная и решительная, она к тому же отличалась крайней деспотичностью, что распространялось не только на крепостных, живших в постоянном страхе, но и на близких. Отец писателя Сергей Николаевич, гусарский офицер, судя по портрету — красавец, женился на Варваре Петровне по расчету и семейными делами почти не занимался, а с 1830-х, после разлада с женой, жил отдельно. В 1834 он ушел из жизни.

На первых порах их семейной жизни в Спасском-Лутовинове, кроме охоты, устраивались балы, маскарады, спектакли: «Свой оркестр, свои певчие, свой театр с крепостными актерами — все было в вековом Спасском для того, чтобы каждый добивался чести быть там гостем», — свидетельствует в своих воспоминаниях приемная дочь Варвары Петровны — Варвара Николаевна Житова, в девичестве Богданович-Лутовинова. Исследователи предполагают, что она — внебрачная дочь Варвары Петровны и Андрея Евстафьевича Берса, отца Софьи Андреевны Толстой. По крайней мере, вексель на долю наследства Богданович-Лутовиновой был выписан умирающей Варварой Петровной на имя А.Е. Берса — до совершеннолетия наследницы.

Сергей Николаевич, большой театрал, был поклонником рационалистического театра Вольтера. Уже после смерти мужа, в 1838, собираясь в Москву, Варвара Петровна признавалась в письме к сыну, что едет к «театру хотя дурного посмотреть, но Вольтера на сцене видеть, он мне напоминает отца». Благодаря Сергею Николаевичу старинную спасскую библиотеку пополнили трагедии Софокла, Эсхила, а также трагедии Озерова, комедии Грибоедова, Шаховского, Хмельницкого, многочисленные тома «Основного репертуара французского театра 1822–1823 годов» на французском языке. Домашняя библиотека оказала огромное влияние на развитие Тургенева.

Об Иване Сергеевиче Тургеневе — писателе и общественном деятеле — существует огромная литература, детские же и юношеские годы проходят «в несколько строк», хотя именно в Спасском-Лутовинове формировались и противоречия его натуры, и своеобразие его художественного мира.

Варвара Николаевна Житова вспоминает Тургенева дома чаще всего в состоянии подавленного протеста, подчиняющимся своеволию матери. Тем не менее в свое время получило широкую огласку так называемое «Дело о буйстве И.С. Тургенева», которое хранилось в архиве орловского губернатора. Шестнадцатилетний Тургенев, вступаясь за крепостную девушку Лушку, которую хотели продать, встретил исправника и понятых с ружьем в руках, не в шутку пригрозив: «Стрелять буду!» Те вынуждены были отступить. Так возникло «дело о буйстве», затянувшееся на годы. Бумаги «о розыске» Тургенева, часто уезжавшего из России, пересылались с места на место — вплоть до манифеста 1861 года об освобождении крестьян. В «Тургеневском сборнике» № 11 за 1966 А. Шнейдер рассказывает о другом случае, когда Тургенев тайно от матери выкупил одного крепостного и отправил за границу.

В то же время ходили оскорбительные для Тургенева слухи, осевшие в некоторых воспоминаниях (в частности, Авдотьи Панаевой-Головачевой), о его малодушии. В 1838 пароход «Николай I», на котором Тургенев отправлялся учиться за границу, загорелся. По свидетельству некоего пассажира, Тургенев пытался попасть в шлюпку с женщинами и детьми, восклицая: «Умереть таким молодым!» Эти слухи опровергает в своих

воспоминаниях Е. Сухово-Кобылина, да и сам Тургенев, продиктовавший перед смертью Полине Виардо очерк «Пожар на море» (1883).

Можно было бы и не поминать этого, если бы не реакция матери Тургенева, характеризующая ее как человека с высокими представлениями о чести. Вскоре после этого случая она писала сыну:

«Слухи всюду доходят, и мне уже многие говорили, к большому моему неудовольствию... Се gros monsieur Tougueneff qui se lamentoit tant? qui disoit mourir si jeune¹... Там дамы были, матери семейств. Почему же о тебе рассказывают? Что ты gros monsieur (толстый господин) — не твоя вина, но! что ты струсил... Это оставило на тебе пятно ежели не бесчестное, то ридикульное. Согласись...»

Варвара Петровна и сама тяготела к перу. Ее дневниками и записками, по свидетельству домашних, были забиты целые сундуки. Незадолго до смерти она велела их сжечь, однако сохранились карандашные записи, которые она вела во время предсмертной болезни. Тургенев прочел их после ее кончины в 1850, и это стало для него откровением — бездна материнского одиночества, страданий из-за собственного самодурства, которое она не умела укротить.

«С прошлого вторника, — писал он Полине Виардо 8 декабря 1850, — у меня было много разных впечатлений. Самое сильное из них было вызвано чтением дневника моей матери... Какая женщина, мой друг, какая женщина! Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Да простит ей Бог все... Право, я совершенно потрясен». Была в дневнике и такая запись: «Матушка, дети мои! Простите меня! и ты, о Боже, прости меня, ибо гордыня, этот смертный грех, была всегда моим грехом»».

Она уходила из жизни в одиночестве, рассорившись с сыновьями из-за наследства. Не соглашаясь выделить им причитающуюся долю, она таким образом пыталась сохранить над сыновьями свою власть. Доходило до того, что Тургенев, уже будучи довольно известным писателем, «стрелял» у своих лакеев по 30–40 копеек на извозчика. В такой атмосфере формировалась личность Ивана Тургенева, о котором его друг Дмитрий Григорович писал: «Недостаток воли в характере Тургенева и его мягкость вошли почти в поговорку между литераторами; несравненно меньше упоминалось о доброте его сердца; она между тем отмечает, можно сказать, каждый шаг его жизни. Я не помню, чтобы встречал когда-нибудь человека с большею терпимостью, более склонного скоро забывать направленный против него неделикатный поступок».

Этой же «мягкостью характера», как и «недостатком воли» отмечены многие мужские герои Тургенева, что позволило Чернышевскому обобщить эти черты в язвительной, но не лишенной остроумия статье, по прочтении повести «Ася», — «Русский человек на rendez-vous» (на свидании):

«Вот человек, сердце которого открыто всем высоким чувствам, честность которого непоколебима; мысль которого приняла в себя все, за что наш век называется веком благородных стремлений. И что же делает этот человек? Он делает сцену, какой устыдился бы последний взяточник. Он чувствует самую сильную и чистую симпатию к девушке, которая любит его; он часа не может прожить, не видя этой девушки... Мы видим Ромео, мы видим Джульетту, счастьем которых ничто не мешает... с трепетом любви ожидает Джульетта своего Ромео; она должна узнать от него, что он любит ее... и что же он говорит ей? “Вы передо мною виноваты, — говорит он ей, — вы меня запутали в неприятности, я вами недоволен, вы компрометируете меня, и я должен прекратить мои отношения к вам...” ... но точно ли ошибся автор в своем герое? Если ошибся, то не в первый раз делает он эту ошибку. Сколько ни было у него рассказов, приводивших к подобному положению, каждый раз его герои выходили из этих положений не иначе, как совершенно оконфузившись перед нами...»

О доброте и бескорыстии Тургенева Дмитрий Григорович писал, что их можно причислить к отличительным чертам его характера:

¹ Толстый господин Тургенев так причитал, все говорил: Умереть таким молодым (*фр.*).

«Если бы возможно было составить список деньгам, которые Тургенев роздал при своей жизни всем тем, кто к нему обращался, сложилась бы сумма больше той, какую он сам прожил».

Мягкие, почти семейные отношения Тургенева со своими лакеями-крепостными рождали анекдоты. Захар, неизменный камердинер писателя, был известен всему литературному Петербургу. По примеру хозяина, он и сам «в часы досуга» пописывал повести (но по скромности своей никому не читал), давал он своему барину и литературные советы, которыми тот, надо сказать, не всегда пренебрегал. Но вернемся к началу его литературной деятельности.

Иван Сергеевич Тургенев получил блестящее образование: среди его домашних учителей — известные московские педагоги, затем — частные пансионеры, позже — Московский, Петербургский (словесность) и Берлинский (история, философия) университеты. В Германии он сблизился с литераторами Н. Станкевичем и М. Бакуниным (идеолог анархизма). Вернувшись в 1841 в Россию, Тургенев поселяется в Москве, ведет светскую жизнь, посещает известный салон А. Елагиной, где знакомится с писателями-славянофилами С. Аксаковым, А. Хомяковым. Там же он встречал Гоголя.

Написав в отрочестве несколько стихотворений и драматическую поэму, Тургенев тем не менее не помышлял стать писателем. Он мечтал сделаться ученым или профессором университета, однако, войдя в светский круг с литературными интересами, и сам сочинил поэму «Параша» (1843), одобренную «самим» Белинским.

Варвара Петровна отнеслась к первой публикации сына своеобразно:

«...Какая тебе охота быть писателем? Дворянское ли это дело? ...что такое писатель? По-моему, *escrivan ju gratterapier c est tout un*¹ и тот и другой за деньги бумагу марают».

Когда же на его «Парашу» в печати появилась критическая статья, дело дошло до доктора и до капель: «Тебя, дворянина Тургенева, — кричала она, — какой-нибудь попович судит!» — «Да помилуй, тамап, критикуют, значит, заметили, и я этим счастлив. Я не нуль, когда обо мне заговорили». — «Как заговорили! Как заговорили-то? Осудили! Тебя будут дураком звать, а ты будешь кланяться, да? К чему ваше воспитание, к чему все гувернеры, профессора, которыми я вас окружала?..»

Тургенев начинал как поэт. До сих пор популярен романс на его слова «Утро туманное, утро седое...». Первое прозаическое произведение «Андрей Колосов» было опубликовано в журнале «Отечественные записки» (1844). С 1846 по 1850 Тургенев отдал дань и драматургическим опытам: «Безденежье», «Завтрак у предводителя», «Холостяк», «Месяц в деревне», «Нахлебник». Некоторые из этих пьес до сих пор не сошли со сцены.

Как писатель реалистического направления, Тургенев начался с цикла рассказов и очерков, которые позже составили книгу «Записки охотника», принесшую ему большую известность и в России, и за рубежом. Сам же этот цикл возник благодаря случаю в 1847. В своих «Литературных и житейских воспоминаниях» Тургенев рассказывает об этом так:

«Только вследствие просьб И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел “Смеси” в 1-м номере “Современника”, я оставил ему очерк, озаглавленный “Хорь и Калиныч”». За неимением другого Панаев этот очерк принял к публикации и на всякий случай придумал подзаголовок “Из записок охотника”, чтобы обеспечить молодому автору читательское снисхождение. Образ повествователя был придуман настолько удачно, что Тургенев продолжил цикл. За 1847–1851, большую часть которых он прожил за границей, было написано 22 очерка.

Решающее влияние на взгляды молодого Ивана Тургенева оказало знакомство с Белинским. После лета 1847, проведенного вместе за границей, где Белинский лечился, Тургенев занял непримиримую позицию по отношению к прежним друзьям-славянофилам, а его эмоциональный протест против жестоких сторон крепостничества оформился в убеждения. В споре западников и славянофилов о «Письме Белинского к Гоголю»

¹ писатель и писец одно и то же — (фр.)

(в котором западник и атеист Белинский отрицал религиозность русского народа и видел в этом залог его революционности, на что и уповал) Тургенев заявил: «...Белинский и его письмо, это — вся моя религия...»

Отдельным изданием «Записки охотника» вышли в 1852. В них впервые была поднята тема, ставшая важнейшей для русской литературы XIX века, — тема крестьянской жизни и трагической судьбы подневольного крепостного человека. Эту книгу Тургенев называл исполнением своей «аннибаловской клятвы» — бороться с крепостным правом: «Я и на Запад ушел для того, — признавался он, — чтобы лучше ее исполнить... и, конечно, не написал бы «Записок охотника», если б остался в России». В этом же году Тургенев был арестован — формально за статью на смерть Гоголя, а в сущности за «Записки охотника», — посажен «на съезжую» в Петербурге, а затем сослан на полтора года в Спасское-Лутовиново.

Иван Сергеевич «на Запад ушел» не только для исполнения клятвы. Туда влекла и любовь, появившаяся в его жизни и оставшаяся в ней навсегда. В конце 1843 он впервые услышал на сцене Итальянской оперы в Петербурге знаменитую французскую певицу Полину Виардо, исполнявшую партию Розины в «Севильском цирюльнике» Россини. А уже в 1845 в автобиографическом «Мемориале» он записал: «Концерты Полины в Москве. Возвращение вместе. Отъезд в чужие края».

Он прожил в ее доме, с небольшими перерывами, когда уезжал в Россию, до конца жизни. Их отношения, на фоне ее сложившегося семейного быта (она была замужем), многим казались, да и теперь кажутся, загадкой. В ее доме жила и его дочь Полина. Рассказ Тургенева о ее появлении на свет передан Афанасием Фетом в воспоминаниях:

«Когда-то, во время моего студенчества, приехав на vacation к матери, я сблизился с крепостною ее прачкою. Но лет через семь, вернувшись в Спасское, я узнал следующее: у прачки была девочка, которую вся дворня злорадно называла барышней... Все это заставило меня задуматься касательно будущей судьбы девочки; а так как я ничего важного в жизни не предпринимаю без совета мадам Виардо, то и изложил этой женщине все дело, ничего не скрывая... мадам Виардо предложила мне поместить девочку к ней в дом, где она будет воспитываться вместе с ее детьми».

В доме певицы Тургенев познакомился со многими знаменитостями: Сен-Сансом, Сарасате, Гуно, Флобером, там же принимал и своих соотечественников. В последние годы его жизни некоторым русским посетителям стало казаться, что Виардо относится к больному Тургеневу без должного внимания и заботы. Кони, например, заметил отсутствие пуговицы на его сюртуке, и от этой пуговицы произошла целая «история», проникшая на страницы русской печати. Вскоре после кончины Тургенева Полину Виардо навещил художник А. Боголюбов, и у них состоялся разговор на эту тему:

«Какое право имеют так называемые друзья Тургенева клеймить меня и его в наших отношениях? Все люди от рождения свободны, и все их действия, не приносящие вреда обществу, не подвержены ничьему суду! Чувства и действия мои и его были основаны на законах, нами принятых, непонятных для толпы... Сорок два года я прожила с избранником моего сердца, вреда разве себе, но никому другому... Ежели русские дорожат именем Тургенева, то с гордостью могу сказать, что сопоставленное с ним имя Полины Виардо никак его не умаляет...»

Собственно, это и есть разгадка «тайны двоих». Комментировать здесь нечего. Однако мы забежали слишком вперед.

С 1854 по 1860 Тургенев активно сотрудничает с некрасовским «Современником» как критик, рецензент, писатель. Здесь выходят статья «Гамлет и Дон-Кихот», рассказы и повести: «Муму», «Постоялый двор», «Дневник лишнего человека» (кстати, именно это произведение пополнило терминологию русской критики понятием «лишний человек»), «Гамлет Щигровского уезда», «Яков Пасынков». В это же время написаны повести «Фауст», «Ася».

В этот период произошла первая встреча Тургенева с Львом Толстым, талант которого он горячо приветствовал еще с первой его публикации в «Современнике» («Детство», 1852), а Толстой, еще до их личного знакомства, посвятил Тургеневу «Рубку леса». Вернувшись после обороны Севастополя, Толстой остановился у Тургенева и, как жаловался тот Фету, «пустился во все тяжкие. Кутежи, цыгане и карты во всю ночь а затем до двух часов спит как убитый. Старался удерживать его, но теперь махнул рукою».

Отношения Толстого с Тургеневым, как и со всем кругом «Современника», сразу же вылились в напряженный диалог. Командир артиллерийской батареи, вернувшийся с передовой, воспринял околелитературные разговоры как «фразерство». Афанасий Фет передал эту атмосферу споров в своих воспоминаниях:

«...С первой минуты я заметил в молодом Толстом невольную оппозицию всему общепринятому в области суждений... я только однажды видел его у Некрасова вечером в нашем холостом литературном кругу и был свидетелем того отчаяния, до которого доходил кипятящийся и задыхающийся от спора Тургенев на видимо сдержанные, но тем более язвительные возражения Толстого».

Через несколько лет, в 1861, между Тургеневым и Толстым произошла ссора, едва не завершившаяся дуэлью, которая, к счастью для русской литературы, не состоялась. Повод был формальный: разные взгляды на воспитание (Тургенев похвалился, что его дочь чинит одежду бедняков, Толстой ответил, что когда разряженная девушка держит на коленях грязные лохмотья, она играет неискреннюю, театральную сцену). Причины взаимного раздражения были более глубокими, одна из вероятных — разные взгляды на роль писателя. Тургенев категорически не принимал склонности Толстого к морализированию, полагая, что это ослабляет его талант. Толстой же с самого начала претендовал на создание нравственной доктрины.

Возможно, существовали и более глубинные, личные мотивы этой вспышки темпераментов. Во время ссылки жизни Тургенева в Спасском-Лутовинове между ним и любимой сестрой Толстого Марией Николаевной, жившей по соседству, завязалась «опасная дружба». «Маша в восхищении от Тургенева», — писал Толстому в Севастополь его брат. Иван Сергеевич в отношениях с ней выдерживал стиль поведения, типичный для его героев — как «русский человек на *tendes-vous*». С Марией Николаевной связано одно из самых поэтических произведений Тургенева — повесть «Фауст» (1856). В ее героине Вере Ельцовой современники без труда угадывали черты графини Толстой.

В 1860 в «Современник» пришли новые, более молодые сотрудники — Чернышевский и Добролюбов, насаждавшие свои революционно-демократические взгляды, и в редакции журнала произошел раскол. Некрасов принял сторону новых идеологов «Современника». Тургенев, либерал, противник радикальных общественных перемен, покинул журнал, навсегда разорвав отношения с Некрасовым

Перу Тургенева принадлежат шесть знаменитых романов: «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867), «Новь» (1877). Их называли летописью духовной жизни русской интеллигенции. Между ними написаны «Воспоминания о Белинском» (1860), повести «Степной король Лир» (1870), «Вешние воды» (1870), «Песнь торжествующей любви» (1881), «Стихотворения в прозе» (1882), «Клара Милич» (1883).

В 1870-е Тургенев сблизился в Париже с писателями «натуральной школы» — Флобером, Доде, Золя, Мопассаном, которые видели в нем своего учителя. Флобер, получив в подарок от Тургенева его книги, изданные на французском языке, писал в ответ:

«...Я не могу устоять против желания сказать вам, что я восхищен ими. Уже давно вы для меня учитель. Но чем больше я вас изучаю, тем больше меня изумляет ваш талант. Меня восхищает страстность и в то же время сдержанность вашей манеры письма, симпатия, с какой вы относитесь к маленьким людям и которая насыщает мыслью пейзаж... от ваших произведений

исходит терпкий и нежный аромат, чарующая грусть, которая проникает до глубины души. Каким вы обладаете искусством!..»

Всемирное признание Тургенева выразилось в том, что его вместе с Виктором Гюго избрали сопредседателем Первого международного конгресса писателей, который состоялся в 1878 году в Париже.

В конце жизни Тургенев дважды побывал на Родине — в 1879 и 1880. И оба раза Россия встречала его овациями. В дни торжеств по случаю открытия памятника Пушкину в Москве речь Тургенева (наряду со знаменитой «Пушкинской речью» Достоевского) стала одним из самых ярких событий.

Незадолго до смерти Тургенев посылает прощальное письмо Льву Толстому, в котором называет его «великим писателем Русской земли» и призывает вернуться к творчеству (в это время Толстой переживал духовный кризис, известный как «опрощение Толстого», когда он отрекался от писательской деятельности).

Иван Сергеевич умирал мучительно — от болезни позвоночника. Страшные боли снимал только морфий; у него появились кошмары: ему казалось, что его отравили, а в ухаживающей за ним Полине Виардо мерещилась леди Макбет. В последние часы своей жизни он уже никого не узнавал. Когда Полина Виардо склонилась над ним, он произнес: «Вот царица из цариц!» Это были его последние слова.

Тургенев умер в Буживале, близ Парижа, 22 августа 1883. Те, кто видел его во время прощания, свидетельствуют, что лицо его было упоенным и прекрасным как никогда. Похоронен Иван Сергеевич, по его завещанию, в Петербурге на Волковом кладбище рядом с Белинским.